

ОБРАЗ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЯПОНИИ В 1920-Е ГГ.

Ипеева А.А.

Научный руководитель док. истор. наук Дацышен В.Г.

Сибирский федеральный университет

Изучение внешней политики Японии в отношении СССР и динамики развития советско-японских отношений и российско-японских отношений остается одной из актуальных проблем в исторической науке, поэтому до сих пор есть большое количество спорных моментов в данном вопросе. К их числу относится вопрос об отношении к Советскому Союзу и коммунизму политиков и общественности в Японии в период возобновления отношений между Советской Россией и Японией эпохи Сёва. Одним из противоречий является образ России в общественных и политических кругах того времени, именно этому и посвящена данная статья.

После октябрьской революции 1917 г. дипломатические отношения между Японией и Россией были прерваны. А за годы японской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке ситуация была еще более усугублена. Преодолев период «политики непризнания» рабоче-крестьянской России, японское правительство не желало признавать коммунистическую Россию, доходило до того, что среди населения распространялось идея о том, что признание новой России считается почти как изменой Родине [3]. Выражая «надежду» на то, что советская власть «долго не продержится», в тоже время японское правительство пришло к выводу о том, что налаживание дипломатических и торговых контактов становится необходимым в новой политической обстановке [3]. В связи с этим японское общество разошлось во мнениях в данном вопросе.

Начнем с проблемы вывода японских войск с территории Сибири и Дальнего Востока и проблемы заключения торгового договора между двумя странами. Изначально японское правительство стремилось к установлению дипломатических отношений с Россией на «своих» условиях, ибо оно не планировало выводить войска с территории Дальнего Востока и Сибири, чтобы тем самым иметь возможность влияния на Россию. Это и привело к провалу Дайренской конференции между Японией и Россией [4].

Японская пресса и общественность тех лет, критикуя результаты Дайренской конференции и ее провал, призывали к скорейшей эвакуации войск с территории России и восстановлению дипломатических и торговых отношений между странами. В японской прессе «рабоче-крестьянская Россия» [4] представлялась главным торговым партнером Японии. Газеты «Токио Асахи» и «Осака Асахи» были наполнены статьями, в которых главной темой был вывод войск с территории Сибири и Дальнего Востока, без которого попытки достичь соглашений с Россией представлялись тщетными [3]. Действительно, вскоре войска были эвакуированы с территории Сибири по инициативе японского правительства, возглавляемого Като.

Однако, несмотря на данные события, СССР и Япония так не смогли договориться и на Чанчунской конференции 1922 г. Японская дипломатия тех лет, как пишет исследователь Ямакава Х., не пыталась идти на какие-либо компромиссы и в итоге не могла здраво оценить ситуацию, что и привело к свертыванию конференции [3].

После очередного «дипломатического провала» японская пресса пестрела статьями по этому поводу. В одном из номеров газеты «Токио Асахи» появилась статья

«Хороший урок на будущее», где газета не только критиковала поведение японской делегации на конференции, но и объясняла главную причину срыва переговоров – недооценка, как со стороны японского, так и со стороны советского правительства друг друга и неспособность идти на компромиссы. Газета «Иомиури Синбун» прямо высказывалась о том, что советская сторона пыталась построить отношения «на новой платформе, без груза старых проблем» [4].

Помимо прессы промышленные круги Японии выдвигали одно за другим требования, касающиеся скорейшего заключения дипломатических и торговых отношений. Среди них можно назвать такие обращения организаций к правительству, как «Осака Нитиро Боэкикай», «Дзенкоку Тайробоэки Рэнгокай Кантотайкай», «Кобэ Сиогио Кайгисю» и др. Для японской промышленности, находившейся с 1920 г. в состоянии кризиса, торговля с Советским Союзом открывала пути решения многих проблем [4].

В это же время в Японии возникло движение Центрального комитета Объединенного профсоюза рабочих за вывод войск с территории России и открытия торговли, т.к. для японских рабочих признание новой России с последующим форсированием российско-японской торговли имело особое значение в борьбе с безработицей. В особенности это движение расширилось в связи с приездом в Японию А. Иоффе, по всей стране прошли митинги, организованные рабочими профсоюзами, на которых разъяснялись вопросы относительно «Российской проблемы» и «форсирования заключения торгового соглашения с Россией» [4]. После бесед между Иоффе и министром иностранных дел Японии Гото, японская общественность еще больше воодушевилась и выступала за скорейшее возобновление дипломатических и торговых отношений между двумя странами, опираясь на современную ситуацию, а не на прошлое, подчеркивая, что данное сотрудничество будет одним из самых выгодных для национальных интересов Японии.

В итоге в начале 1925 г. между Японией и СССР была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между двумя странами, по пунктам которой предполагалось заключение дальнейшего трудового договора и рыболовной конвенции. Данная Конвенция имела огромное значение, т.к. Япония официально признала СССР.

Другим «камнем преткновения» в представлениях японцев о России был как сам новый политический режим, так и его главные идеологи – Ленин и Сталин. Если по поводу Ленина политические и общественные круги сходились во мнении о том, что он был «отцом» новой России и главным политическим идеологом, то во мнениях по поводу Сталина и его политики мнения разошлись. Один из корреспондентов газеты «Осака-Майнити» Фусэ К. после интервью со Сталиным в 1925 г. представил общественности статью, где назвал его «главным столпом ленинизма», но описание было лишено конкретики и пестрело хвалебными формулировками.

В середине 1920-х гг. в Японии стало бытовать мнение, что Советская Россия отходит от изначального революционного характера, связывая было с введением новой экономической политики в 1921 г. [3].

Военные круги и министерство иностранных дел Японии, напротив были более озадачены нарастанием военной и политической мощи СССР и распространением коммунистических идей на Корею и Китай. Изначально посол Японии в СССР Танака и его сторонники согласись с мнением, что Советский союз никак не влияет на национально-освободительное движение в Китае и не может угрожать интересам Японии. После того как СССР одержал победу над Китаем в конфликте на КВЖД, военное руководство Японии стало видеть в СССР явного противника, претендующего на влияние в Китае и вытеснение Японии. Военный министр Японии Угаки К. прямо

высказывался о том, что СССР, как государство с революционной идеологией увеличит свое влияние в Северном Китае и при этом будет главным противником Японии в Азии. Все это привело к тому, что Япония начала постепенно свертывать как торговые, так и дипломатические отношения с СССР, а в прессе стали присутствовать лозунги против отношений между двумя странами.

Таким образом, в 1920-х гг. в общественно-политических кругах Японии произошла эволюция взглядов на Советскую Россию от представления ее как главного торгового и стратегического партнера и «мирного» соседа, до видения в нем главного противника в азиатском регионе, что привело к дальнейшему свертыванию отношений и военному конфликту.

Список используемой литературы:

1. Молодяков В. Россия и Япония в поисках согласия (1905 – 1945 гг.): Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012.
2. Москва-Токио: политика и дипломатия Кремля 1921 – 1931 годы: сборник документов в 2 кн.: Кн. 1. 1921 – 1925 гг./ Отв. редактор Г.Н. Севостьянов: Инс-т Всеобщей истории РАН, Инс-т российской истории РАН. М.: Наука, 2007.
3. Ёкотэ С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.
4. Фудзимото В. Установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 г. // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.